

Чусова Анастасия Ярославовна, студентка,
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина»

НЕОМИФОЛОГИЗМ В РУССКОМ РЭПЕ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ НАРРАТИВОВ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ЛИРИКЕ ХАСКИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен постфольклора в творчестве современного рэп-исполнителя Хаски на материале треков «Сказки», «Поэма о Родине» и «Колобок». Проводится анализ трансформации ключевых сказочных архетипов (Иван-дурак, Баба-Яга, Кощей, Колобок). Особое внимание уделяется лексическому анализу: выявлено столкновение высокого архаического стиля с современным жаргоном и просторечиями, что создает уникальный эффект «разорванного эпоса».

Ключевые слова: Неомифологизм, постфольклор, песня, архетип, сказочный персонаж.

Современная поэзия и музыкальная лирика все чаще обращаются к фольклорным традициям, переосмысляя их в новом культурном контексте. Ярким примером постфольклора – явления, при котором архаические образы, сказочные мотивы и архетипы «переселяются» в городскую среду, – является творчество исполнителя Хаски. Его тексты представляют собой отдельный мир, где действительность воспринимается через мифологическую призму, а язык повествования приобретает урбанистический и социально-критический характер.

Особый интерес представляет трансформация сказочных персонажей (Колобок, Иван-дурак, Баба-Яга, Кощей), которые не просто цитируются, но и радикально переосмысляются в условиях современной повседневности. С лингвистической точки зрения значим и выбор лексики: сочетание просторечий, жаргонизмов и бытовой речи с высоким, архаическим тоном создает эффект «разорванного эпоса» – поэзии, одновременно возвышенной и низкой, трагической и ироничной.

Цель работы – проанализировать, как в тексте Хаски «Сказки» происходит деконструкция традиционных фольклорных образов и языка через их интеграцию в современный социальный и культурный контекст.

Трек «Сказки» представляет собой систематическую деконструкцию русской сказочной традиции. Герои лишаются сакральной силы и превращаются в маргинальные фигуры, униженные современными соблазнами.

Иван-дурак, в фольклоре – простак-победитель, у Хаски лежит на кухне, обманутый «денатуратом под этикеткой воды живой». Его «живая вода», символ чудесного спасения, подменена ядовитым суррогатом, что символизирует обман и духовную смерть.

*Три дня скулит пес сторожевой,
Лежит на кухне Иван-дурак,
Ему толкнули денатурат
Под этикеткой воды живой*

Хаски переносит героя из сказки в современный мир и представляет его как деградирующего персонажа, обманутого и ленивого. Обещанная «живая вода» оказывается ядом, что лишь усугубляет состояние и положение Ивана-дурака.

Баба-Яга, мифологический персонаж, превращена в символ массовой культуры, поющая «фанеру» в перьях, подобно попугаю. Колдовство заменено эстрадной фонограммой, что указывает на пошлость современного «чуда».

А в телевизоре никому...

в перьях, как какаду

Свою фанеру поет Яга

Кощей Бессмертный, архетип скупца, низведен до уровня обывателя, который «яичко чешет сухой» над монитором, а его богатства – криптовалюта, которую он тратит «на донаты для Василисы». Традиционная мудрость Василисы здесь заменена меркантильностью.

Для современной русской языковой жизни характерно активное влияние на литературный язык нелитературных социальных вариантов общенародного языка: «Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода формами нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от жестоких канонов и норм советского прошлого, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на новых оценках некоторых языковых фактов и процессов, и то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды, начинает приобретать права гражданства наряду с позиционными средствами литературного языка» [2, с. 7]. В качестве орудия борьбы с «тоталитарным языком» рассматривают, в частности, молодежный сленг, то есть жаргон той части молодежи, которая критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением государственной машины. Совершенно естественно, что интенсивное давление со стороны профессиональных и социальных жаргонов испытывает и язык песни. Действительно, жаргонная лексика становится важным средством стилизации живой речевой стихии, социальным средством создания особого, дружески-непринужденного тона.

В тексте «Сказок» сталкиваются фольклорно-архаические пласты («Иван-дурак», «Яга», «гусли»), современный жаргон и просторечия («денатурат», «фанера», «донаты») и поэтические метафоры («цветы из дыма»).

Играйте, гусли, гуляй, братва...

Образ *гуслей* – сакрального инструмента сказителей, превращается в атрибут попойки. Вместо основного инструмента, без которого сказка не будет рассказана, они превращаются в звуковое сопровождение застолья. Это вновь отсылает нас к тому, что Хаски создает иную сказку, на современный лад, обличающую все пороки современности.

Ключевые фольклорные формулы подвергаются иронической деконструкции: «вода живая» становится «денатуратом», эпический призыв «играйте, гусли» превращается в припев застольного веселья «гуляй, братва», а «забудь-трава» предстает в виде наркотических «цветов из дыма».

Это полифоничное сочетание создает эффект «разорванного эпоса» – текст одновременно узнаваемо «сказочный» и радикально современный, что служит основой для острой социальной сатиры.

Таким образом, художественный метод Хаски основан на последовательной деконструкции традиционных архетипов и языка сказки.

На образном уровне происходит пересадка мифологических героев в среду маргинальной современности, где они утрачивают свои исконные функции. На лексическом уровне достигается мощный эффект за счет намеренного столкновения высоких архаических формул с низовой, жаргонной лексикой. В итоге автор создает ироническую, но трагическую картину мира, где место чуда заняла симуляция, духовные ценности подменены суррогатами, а вечные архетипы выродились под давлением массовой культуры и цифрового капитализма. Его «сказки» – это не волшебные истории, а диагноз, поставленный эпохе с помощью инструментов традиционной культуры.

Если в «Сказках» деконструкция носит социально-обличительный характер, то в треке «Колобок» она приобретает глубоко личный, автобиографический масштаб. Здесь фольклорный нарратив становится формой для исповеди о творчестве и выживании.

В тексте присутствуют грубые выражения, намеренно сбивающие сказочность и возвышенность. Эта грубость разрушает иллюзию мифологического пространства и уводит текст в сторону социальной сатиры.

Это двойственность, в которой и заключается суть поэтики Хаски: искусство как насилие, самопожертвование и спасение одновременно.

На символическом уровне строки представляют завершение пути героя: бегство заканчивается взрывом – актом саморазрушения, равным творческому рождению. Колобок перестает катиться – он взрывается, растворяясь в коллективном сознании, превращаясь в культурный след.

Лексика трека «Колобок» строится на резком контрасте между архаикой и современным языком, что создает эффект столкновения прошлого и настоящего, мифа и реальности.

Фольклорные формулы («Колобок, я тебя съем», «Как я от дедушки ушел») соседствуют с грубыми реалиями современности: «вписка», «общага», «флешбек». Такое совмещение языковых пластов отражает внутренний конфликт автора, разрывающегося между культурной памятью и современной действительностью.

Эта языковая гибридность – характерная черта поэтики Хаски. Он сознательно разрушает «чистоту» языка, используя грубость и просторечие как способ выразить аутентичность личного опыта. Ритмическая структура, основанная на навязчивом повторе фразы «Они хотят меня сожрать», превращает трек в манифест сопротивления: заклинание против мира, где все пожирает индивидуальность и творческий потенциал.

Таким образом, художественный метод Хаски в «Колобке» основан на автобиографической деконструкции мифа. Традиционный образ Колобка переносится в мир личных воспоминаний, социальных травм и внутренней борьбы артиста. На образном уровне происходит пересадка мифологического сюжета в личную историю: герой становится отражением автора, бегущего от нищеты и славы одновременно. На лексическом уровне – соединение высокого и низового, сакрального и бытового создаёт мощный эффект стилистического напряжения, передающего хаотичность современного мира.

В итоге Хаски создает не сказку, а исповедь в сказочной форме. Его Колобок – это сам Хаски: изгой, беглец, поэт, превращающий собственную жизнь в миф. В этой деконструкции сказки рождается новая правда – о поколении, выросшем среди руин старых смыслов и нашедшем голос лишь в иронии, боли и ритме.

«Колобок» становится не просто переосмыслением фольклора, а автобиографическим диагнозом эпохи, в которой чудеса заменены выживанием, а творчество – последней формой сопротивления миру, где «все хотят тебя сожрать».

Список литературы:

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Наука, 2004. – 495 с.
2. Крысин Л. П. О лексике русского языка наших дней / Л. П. Крысин // Русский язык в школе и дома – 2002. – №1 – С. 7-16.
3. Лебедев Е. Кое-что об ошибках сердца: Эстрадная песня как социальный симптом / Е. Лебедев // Новый мир – 1988. – №10. – С.239-254.
4. Мурзин Л.Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991 – 172 с.

